

ГИПОТЕЗА Я.Я. РОГИНСКОГО ОБ ЭВОЛЮЦИОННОЙ СУДЬБЕ НОМО NEANDERTHALENSIS

В.Ю. Бахолдина

МГУ имени М.В.Ломоносова, биологический факультет, кафедра антропологии, Москва

Неандертальская проблема сегодня волнует исследователей так же, как и в первой половине прошлого века, когда этим вопросом заинтересовался молодой антрополог Я.Я. Рогинский. Одна из идей по поводу исчезновения неандертальцев касается особенностей их психики, в частности, повышенного уровня агрессивности по сравнению с людьми современного типа. Эта идея легла в основу гипотезы Я.Я. Рогинского, которая была изложена им в нескольких работах. В своих построениях Я.Я. Рогинский опирался на данные анатомии, палеоантропологии и этологии. Продолжением исследований Я.Я. Рогинского в этой области стали работы Е.Н. Хрисанфовой. Сегодня исследователи предпринимают новые попытки понять возможные причины ухода неандертальцев с исторической сцены. Реконструируются особенности строения и функционирования головного мозга неандертальцев, специфика функционирования у них некоторых систем анализаторов, изучаются различные свидетельства неандертальского рациона. Одна из последних гипотез в качестве возможных объяснений причин исчезновения неандертальцев рассматривает различия в дифференциации гендерных ролей в популяциях неандертальцев и сапиенсов. Несмотря на многочисленность работ, посвященных неандертальской проблеме, статьи и монографии Я.Я. Рогинского по-прежнему сохраняют свою актуальность и представляют большой интерес и значимость для современных исследователей.

Ключевые слова: антропология, Я.Я. Рогинский, эволюция человека, неандертальцы, сапиенсы, агрессия, гендерные роли

Статья Я.Я. Рогинского «О причинах исчезновения неандертальцев», опубликованная в журнале «Вопросы антропологии» в 1985 году [Рогинский, 1985], завершает длинный список его работ и уже только в связи с этим должна представлять особый интерес, обозначая те вопросы и проблемы, которые волновали ученого в последние годы жизни и творчества.

Для Я.Я. Рогинского проблема эволюционной судьбы неандертальцев и их ухода с исторической сцены была особенно интересна тем, что, как он считал, лежала не столько в области биологии, сколько в сфере психологии. Он предполагал, что именно различия в психике неандертальцев и древних сапиенсов стали причиной эволюционной неудачи первых и успешности вторых. Как пишет сам исследователь в своей монографии «Проблемы антропогенеза», в разделе, посвященном эволюционной роли разных типов характеров, «само происхождение человека современного типа ускорило вследствие необходимости разрешить противоречие между возросшей вооруженностью мустьерских орд и пережитками дикости во взаи-

моотношениях членов в каждой орде, или соседних орд между собой» [Рогинский, 1969, с. 222].

Спустя несколько десятилетий Я.Я. Рогинский вновь обращается к той же проблеме, основываясь теперь на многих реальных фактах из области палеоантропологии, анатомии и этологии. Он пишет о большей архаичности эндокранов неандертальцев по сравнению с неантропами, о худшем развитии областей мозга, ответственных за торможение животных инстинктов, о следах каннибализма на ископаемых черепках и высказывает мысль о том, что влияние на человека его собственной культуры и прогресса в изготовлении орудий «было разнообразным и внутренне противоречивым», что могло приводить к жестоким столкновениям с применением этих же орудий. В конечном итоге неандертальцы «не сумели сплотиться, враждовали друг с другом и тем ускорили свою гибель» [Рогинский, 1985, с. 13].

В своей гипотезе он опирается на новую для того времени работу Конрада Лоренца «Das sogenannte Böse. Zur Naturgeschichte der Aggression» («Так называемое зло. К естественной истории

агрессии») [Lorenz, 1963]. Учитывая, что Я.Я. Рогинский ссылается на Лоренца в тексте статьи, но не дает соответствующей ссылки в списке литературы, можно предположить, что он мог познакомиться с трудами Конрада Лоренца благодаря переводам А.И. Фета, вышедшим в те годы в Самиздате (первое официальное издание книги К. Лоренца появилось в переводе Г.Ф. Швейника только в 1994 г.).

Интересно сравнить представления Конрада Лоренца о роли и месте агрессии в эволюции и их интерпретацию по отношению к человеку в статье Я.Я. Рогинского.

Согласно трактовке Я.Я. Рогинского, Лоренц писал об инстинкте торможения внутривидовой агрессии, врожденном «запрете на убийство» для хищных животных и об отсутствии подобного инстинкта у животных нехищных. В результате в сообществах животных, не принадлежащих к хищникам, наблюдаются частые проявления агрессии в отношении представителей своего вида. Я.Я. Рогинский в своей статье ссылается на данные докладов конференции «Групповое поведение животных» (1976), где подобная агрессия описана у самых разных нехищных животных, в том числе у многих копытных (маралов, серн, лосей и других).

Но в работе Конрада Лоренца описание стычки двух самцов ланей приводится как один из наиболее ярких примеров не столько агрессивного поведения, сколько проявления ритуализированных механизмов подавления и торможения агрессии. Самцы сшибаются рогами, которые с треском сплетаются между собой. Затем, как пишет К. Лоренц, следует совершенно безопасная борьба, в которой побеждает тот, кто продержится дольше. Иногда в ходе схватки один из самцов случайно нацеливает свое оружие в незащищенный бок соперника, что «при могучем размахе тяжелых и острых рогов выглядит чрезвычайно опасно». Но олень тут же тормозит это движение, поднимает голову и старается вновь оказаться в характерной позе, когда его рога направлены в сторону рогов соперника. Лоренц пишет о том, что механизмы торможения агрессии наиболее сильно развиты у видов, хорошо вооруженных от природы, к которым, как мы видим, могут относиться не только хищники, но и многие другие животные, в том числе рыбы и птицы.

Несмотря на последнее уточнение, по-прежнему вполне закономерны дальнейшие рассуждения Я.Я. Рогинского о возможных пагубных последствиях появления в сообществах древних людей предметов, которые могли использоваться и для самозащиты, и для нападения.

Действительно, какие новые формы может обрести агрессия внутри вида, который, будучи от природы невооруженным, получил в руки оружие благодаря развитию собственной культуры и новых технологий? Я.Я. Рогинский предполагает, что в случае неандертальцев это оружие могло часто и бесконтрольно пускаться в ход, и последствия такого развития событий могли стать для неандертальских групп по-настоящему катастрофическими. Здесь можно было бы возразить, что простейшие орудия используются уже обезьянами, а каменные орудия, судя по археологическим находкам, стали изготавливаться и применяться еще австралопитеками, задолго до появления первых представителей человеческого рода. Поэтому у человечества, несомненно, было время адаптироваться к присутствию в его жизни орудий и оружия, частое применение которого «не по назначению» могло поставить под вопрос существование рода *Homo*. Тем не менее, явные свидетельства каннибализма (как, например, надрезы на черепе из Бодо, характерные повреждения на черепах синантропов, о которых писал Вейденрейх и упоминает в своей статье Я.Я. Рогинский, или тщательная полировка черепа из Херто [White et al., 2003]), служат несомненным доказательством того факта, что орудия древних людей могли направляться и против себе подобных.

То есть, в принципе, есть основания говорить о том, что появление «культурной» вооруженности слабо от природы вооруженного вида могло нарушать некий внутривидовой баланс в связи с отсутствием у этого вида врожденного запрета на агрессию. Те или иные нарушения подобного баланса встречались, судя по находкам, на всех эволюционных стадиях становления *Homo sapiens*, и неандертальцы с этой точки зрения не представляют собой исключения. Поэтому имеет смысл рассматривать гипотезу Я.Я. Рогинского в отношении довольно непродолжительного периода позднейших этапов антропогенеза, когда неандертальцы и сапиенсы сосуществовали на одних и тех же территориях.

Можно ли согласиться с той точкой зрения, что орудия представляли повышенную опасность лишь в неандертальских популяциях в связи с менее совершенным, как пишет Рогинский, «развитием префронтальных отделов мозга» [Рогинский, 1985, с. 13]? Для ответа на этот вопрос стоит вновь обратиться к книге К. Лоренца, лейтмотивом которой являются серьезные опасения относительно дальнейшей судьбы современного человечества по причине того, что, как пишет автор, «в условиях цивилизации агрессивный инстинкт очень серьезно «сошел с рельсов», и что

«...есть веские основания считать внутривидовую агрессию наиболее серьезной опасностью, которая грозит человечеству в современных условиях культурно-исторического и технического развития» [Лоренц, 1994].

При этом главная идея работы Конрада Лоренца состоит в утверждении о созидательной и прогрессивной роли агрессии в таких ее проявлениях, как победа в естественном отборе, поддержание устойчивости социальной структуры, защита потомства и слабых членов сообщества, а также межвидовая конкуренция. Не случайно полное название его книги включает недвусмысленное определение агрессии как «так называемого зла», а третьей главе предпослан эпиграф из Гете: «Часть силы той, что без числа, творит добро, всему желая зла». Очевидно, в подобной трактовке агрессии Я.Я. Рогинский был с К. Лоренцем не согласен. Чтобы в этом убедиться, обратимся вновь к главе «О типах характера и их значении в теории антропогенеза» в монографии «Проблемы антропогенеза» [Рогинский, 1969]. Здесь Я.Я. Рогинский пишет о необходимости «борьбы», неизбежно связанной с агрессией, прежде всего по отношению к «враждебным силам внешнего мира». Что касается членов своего коллектива, здесь речь, скорее, должна идти о «сотрудничестве и солидарности». Правда, на следующих страницах признается значимость и внутригрупповой роли «борьбы» с целью установления согласия в коллективе и управлению людьми. Люди, склонные к «борьбе», или, иначе говоря, имеющие более высокий уровень агрессивности, относятся, согласно Я.Я. Рогинскому, к волевому типу характера (в противоположность рассудочному и чувствительному). Однако симпатии автора при этом, несомненно, на стороне характера чувствительного. Он пишет, например: «Волевой человек, вероятно, получает меньше удовольствия от борьбы, чем чувствительный от любви. Волевой человек принужден в поисках ощущения счастья нагромождать победу на победу и искать всё новых врагов. Воля не нужна, когда она всесильна. Ее трагизм в том, что действие как самоцель истощает себя. И рассудочный человек принужден переходить от одной задачи к другой. Чувствительный же способен даже абстракцию превратить в образ совершенства» [Рогинский, 1969, с. 234].

Таким образом, сама идея созидательной и структурирующей функции агрессии в целом чужда Я.Я. Рогинскому, и не случайно эта идея К. Лоренца не упоминается в статье о причинах исчезновения неандертальцев.

Что касается самой сути проблемы, то, учитывая всё вышесказанное, можно предположить,

что различия в агрессивности сапиенсов и неандертальцев могли заключаться не столько в способности к торможению агрессии, сколько в умении «переадресовать» эту естественную, как пишет К. Лоренц, эмоцию, от членов собственной группы вовне, на представителей конкурирующих сообществ. И тогда одной из причин исчезновения неандертальцев могло стать не отсутствие механизмов торможения агрессии у них самих, а повышенная «внешняя» агрессивность сапиенсов в сочетании с прогрессом технологий изготовления орудий и оружия.

Очень интересно, что в качестве одного из объяснений «ухода» неандертальцев Я.Я. Рогинский называет развитие материальной культуры, которое, по его мнению, не соответствовало их архаической морфологии. Парадоксально то, что культурный прогресс в этом случае рассматривается в качестве фактора, ведущего один из вариантов древнего человечества в эволюционный тупик. Я.Я. Рогинский пишет о культурных достижениях, которые создавали преимущества для кроманьонцев, представляя при этом опасность для неандертальцев. Здесь, как и во многих других работах Я.Я. Рогинского, высказано намного меньше, чем подразумевается, и над чем можно задуматься. Действительно, могли ли в истории человечества возникать такие моменты, когда люди не справлялись с эволюционирующей культурой, развитие которой шло по своим законам? Естественно допустить, что подобная ситуация могла, скорее, возникать не в отношении собственных культурных новаций, которые появлялись постепенно и к которым сообщества имело бы время адаптироваться, а в отношении каких-то внешних заимствований. И в случае неандертальцев можно предположить, что подобные проблемы могли возникнуть у них в отношении тех явлений материальной культуры, которые были восприняты ими от кроманьонцев. И тогда в проблеме культурных контактов и заимствований между неандертальцами и кроманьонцами появляются новые грани и аспекты, касающиеся возможных различий в общей способности к позитивному освоению чужого опыта и чужих культурных достижений.

В отечественной антропологии гипотеза Я.Я. Рогинского нашла свое продолжение и развитие в идеях Е.Н. Хрисанфовой [Хрисанфова, 1997, 1999]. В ее работах подробно исследуются особенности морфологии неандертальского скелета, и в результате их изучения автор приходит к выводу о правомочности предположения об особом гормональном статусе неандертальцев. Специфика их гормонального статуса, по мнению Е.Н. Хрисан-

фовой, заключалась в повышенном уровне секреции андрогенов, что в период полового созревания могло приводить к утолщению кортикального слоя длинных костей скелета и раннему завершению ростовых процессов. Те же факторы могли определять и особенности неандертальской психики, в том числе более высокий уровень агрессивности [Хрисанфова, 1997]. Таким образом, результаты исследования Е.Н. Хрисанфовой в области проблем палеоконституции согласуются с гипотезой Я.Я. Рогинского.

Сегодня вопросу о специфике неандертальцев по сравнению с сапиенсами посвящена обширная литература, где речь идет не только об их гипотетически повышенной агрессивности, но в целом о возможных реконструкциях специфики неандертальской социальной структуры и психики. Поначалу создается впечатление, что на нынешнем этапе изучения проблемы можно говорить о некоем новом уровне осознания и понимания причин исчезновения неандертальцев, однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что авторы пытаются предложить собственные трактовки все тех же особенностей, при которых «противоречие между вооруженностью и отсутствием должной структуры отношений и связи между людьми выросло в грозную опасность самоистребления» [Рогинский, 1969, с. 221].

Обращает на себя внимание работа, среди авторов которой значится и известный палеоантрополог Крис Стрингер, посвященная реконструкции возможных различий в строении и функционировании головного мозга неандертальцев и архаичных сапиенсов [Pearce, Stringer, Dunbar, 2013]. Особый акцент в этой статье делается на такой давно известной особенности неандертальского черепа, как более крупные по сравнению с черепами сапиенсов глазницы. Отмечается также тот факт, что неандертальцы изначально обитали в более высоких широтах, где общий уровень освещенности был ниже, чем на африканском континенте или в Передней Азии, откуда, как предполагается, древние сапиенсы мигрировали позже на европейский континент. Эти данные служат исходными посылками, из которых авторы статьи считают возможным сделать далеко идущие выводы о более значительных размерах зрительной коры у неандертальцев и о значительном перераспределении функций высших отделов головного мозга в пользу анализа зрительной информации в ущерб многим другим функциям. Кроме того, как полагают авторы статьи, более крупные размеры тела неандертальцев приводили также к повышению представленности в неокортексе участков, ответственных за движения и общий

телесный «мониторинг». Следующий шаг в теоретических построениях, содержащихся в обсуждаемой статье, заключается в предположении о том, что психическая деятельность неандертальцев была преимущественно направлена на визуальный контроль за окружающим и на то, чтобы справиться со своим большим телом, в результате чего возможность поддержания ими социальных контактов была крайне ослаблена. В качестве дополнительного свидетельства справедливости подобного вывода авторы рассматривают малые размеры неандертальских групп, сравнивая их с более крупными группами сапиенсов. Кроме того, археологические данные говорят о том, что контакты между группами неандертальцев были намного слабее и реже, чем между группами сапиенсов, и в качестве вершины эволюции широких контактов сапиенсов авторы называют современные социальные электронные сети.

Статья Е. Pearce, С. Stringer и R.I.M. Dunbar о которой идет речь, содержит много крайне спорных положений [Pearce, Stringer и Dunbar, 2013]. Прежде всего, необходимо более весомое обоснование прямой связи между размером орбит и размером глазного яблока, а также между размером глаз и величиной участков коры, ответственных за зрительный анализаторов. Далее, масса тела неандертальцев, согласно последним реконструкциям, составляла 77.6 кг для мужчин и 66.4 кг для женщин [Froehle, Churchill, 2009], то есть не отличалась от массы тела современных им сапиенсов. Что касается более низкой освещенности в высоких широтах, то длинные ночи и слабый свет зимой в какой-то степени могут компенсироваться здесь длинными днями и светлыми ночами летом, так что вряд ли связи между освещенностью, географической широтой и особенностями человеческого зрения столь прямые и однозначные. Наконец, даже если авторы в чем-то правы, и представленность в неокортексе неандертальцев отдельных анализаторов отличалась от таковой у сапиенсов, совершенно невозможно сказать, как эти различия могли влиять на другие функции мозга, на особенности психики и, в конечном счете, на уровень социальности тех и других. В статье малые размеры групп неандертальцев рассматриваются как косвенное свидетельство более низкого уровня их ментальности и неспособности поддерживать широкий круг социальных связей, но при этом упускается из виду тот факт, что эти особенности могли быть следствием экологических и демографических причин, а также наследием более древних этапов, когда общая численность населения была намного меньше.

Кроме того, большой размер группы совсем не обязательно является показателем сложности социальной структуры и высокой интенсивности межличностных контактов. В той же работе К. Лоренца приводятся впечатляющие примеры так называемых «анонимных стай», огромных скоплений животных, внутри которых любые личные, межличностные взаимоотношения полностью исключены. Вряд ли нечто подобное возможно для высших приматов, тем более для человека, но проблема некоего оптимального размера группы, позволяющего сохранять внутреннее единство, безусловно, существует.

Еще один подход к реконструкции особенностей социальной структуры неандертальских популяций заключается в анализе возможных вариантов разделения гендерных ролей между неандертальскими мужчинами и женщинами. В 2006 г. вышла статья двух американских археологов, S. Kuhn и M. Stiner, в которой предлагалась оригинальная гипотеза относительно связи между гендерными ролями и исчезновением неандертальцев [Kuhn, Stiner, 2006]. Авторы предположили, что неандертальские популяции оказались более уязвимы и неустойчивы по сравнению с популяциями сапиенсов в связи с тем, что неандертальские женщины наравне с мужчинами принимали участие в охоте на крупного зверя, тем самым подвергая риску и себя, и своих детей. Кроме того, будучи постоянно вовлеченными в охоту, женщины в неандертальских популяциях не имели времени и возможности заниматься сбором ценных растений и мелких животных, что позволило бы им улучшить пищевой рацион. В популяциях сапиенсов, напротив, именно эта деятельность была главной заботой женщин, в результате чего пища оказывалась более разнообразной и богатой по составу. Общая поведенческая стратегия сапиенсов рассматривается в это случае как более гибкая по сравнению с ригидной и негибкой стратегией неандертальцев. Эта гипотеза нашла широкий отклик, и статья S. Kuhn и M. Stiner обсуждалась во многих публикациях самых разных изданий. Среди отзывов на статью некоторые были достаточно критические. Так, известный антрополог J. Hawks совершенно справедливо указывает на возможность гендерного разделения ролей у неандертальцев уже в процессе охоты, когда женщины выполняют, например, роль загонщиц, а в контакт со зверем вступают мужчины [Hawks, 2006]. В охоте такого рода вполне могли принимать участие и женщины-сапиенсы, и для них это даже более правдоподобно, чем для неандертальских женщин. Кроме того, во многих исследова-

ниях показано присутствие в рационе неандертальцев растительной пищи, и даже есть данные о том, что продукты растительного происхождения могли в отдельных случаях доминировать в их питании [Lalueza, Pérez-Pérez, Turbon, 1996; Pérez-Pérez, Espurz et al., 2003].

Совсем недавно вышла новая статья, посвященная проблеме гендерных ролей у неандертальцев и сапиенсов [Estalrich, Rosas, 2015]. Материалом для исследования послужили резцы и клыки 11 неандертальцев из испанской пещеры El Sidron, древностью около 49 тыс. лет, 6 человек из местонахождения l'Hortus во Франции, и двух взрослых индивидуумов из пещеры Spy в Бельгии, древностью около 36 тыс. лет. На зубах были обнаружены бороздки и сколы, и их размеры и локализация стали предметом специального изучения. Сам факт высокой частоты повреждений передних зубов рассматривается авторами как свидетельство использования зубной системы в качестве «третьей руки» в процессе обработки кожи и изготовления из нее одежды, как это происходит в некоторых современных обществах охотников-собирателей. Но при этом среди неандертальских женщин уровень механических повреждений зубов оказался достоверно выше, чем среди мужчин. Кроме того, в мужской выборке сколы и бороздки на зубах в большей степени представлены на верхних зубах, в то время как в выборке неандертальских женщин больше повреждены нижние зубы. Авторы статьи затрудняются оценить, различия в частоте каких конкретных операций могли привести к появлению подобных различий, но считают, что подобные половые различия, скорее всего, отражают реальное гендерное «разделение труда» в неандертальских сообществах. Возможно, эти данные можно рассматривать как косвенное свидетельство правоты тех исследователей, которые критически отнеслись к гипотезе о полном отсутствии дифференциации гендерных ролей у неандертальцев.

Таким образом, в современной научной литературе наблюдается некоторый отход от обсуждения большей или меньшей агрессивности неандертальцев по сравнению с сапиенсами, и сегодня исследователи основное внимание уделяют попыткам реконструкции социальной структуры разных групп древнего человечества. Тем не менее, проблема психологических различий между неандертальцами и людьми современного типа по-прежнему актуальна, как и вопрос о значимости агрессии в структуре этих различий.

Для решения вопроса о более высокой или, возможно, более низкой агрессивности неандер-

тальцев по сравнению с сапиенсами особое значение имеют данные палеогенетики. Если бы удалось обнаружить различие в генах, ответственных за уровень агрессии, многие гипотетические построения обрели бы под собой твердую почву. Весной 2014 г. в журнале «Proceedings of the National Academy of Sciences» была опубликована работа группы Сванте Паабо из лейпцигского Института эволюционной антропологии им. Макса Планка [Castellano, Genis, Sanchez-Quinto, et al., 2014], посвященная изучению трех неандертальских геномов в сравнении с геномами современных людей – представителей нескольких разных этнических групп. Согласно этому исследованию, эволюция неандертальского генома происходила более интенсивно в той его части, которая кодирует развитие морфологии, в то время как в геноме современного человека в большей степени изменились гены, связанные с поведением и некоторыми психическими аномалиями. У неандертальцев, например, не выявлены гены, ответственные за аутизм. Но самое любопытное, что современный геном отличается от неандертальского по тем генам, которые, как пишут исследователи, связаны с гиперактивностью и агрессивностью. Правда, авторы статьи сразу предупреждают, что им пока неизвестно, как обнаруженные различия должны проявляться фенотипически, поскольку нет данных о том, понижают или повышают эти гены уровень агрессии. Поэтому, к сожалению, новые генетические данные не позволяют сказать, какой из двух видов древнего человечества, неандертальцы или сапиенсы, был более активным и агрессивным. Но, судя по конечным итогам их сосуществования, и по этим показателям сапиенсы вполне могли опережать неандертальцев.

Заключение

Исчезновение неандертальцев... Эти слова вот уже почти 160 лет тревожат воображение всех, кто так или иначе прикасается к неандертальской тематике. Неандертальцы и их эволюционная судьба стали постоянным предметом интереса не только специалистов, но и самых широких кругов общества, что породило множество гипотез, статей, книг и фильмов, и не только научных, но и научно-популярных и художественных. Почему же загадка неандертальцев остается столь волнующей для современного человека? Наверное, сам факт одновременного существования на планете

по крайней мере двух разных видов человека (если забыть на время о «денисовцах» и других возможных «параллельных» видах), не может не вызывать жгучий интерес, тем более что судьба одного из них, Homo sapiens, представляется в целом достаточно благополучной, в то время как другой, Homo neanderthalensis, окончательно исчезает с лица земли около 20 тысяч лет назад. И сегодня, несмотря на многочисленные статьи и книги, посвященные этой проблеме, современные исследователи вновь обращаются к работам Я.Я. Рогинского, черпая в них свежие идеи, споря и соглашаясь с одним из самых глубоких гуманистов нашего времени.

Библиография

- Лоренц К.* Агрессия. М.: Прогресс, 1994. 130 с.
- Рогинский Я.Я.* Проблемы антропогенеза. М.: Высшая школа, 1969. 263 с.
- Рогинский Я.Я.* О причинах исчезновения неандертальцев // Вопросы антропологии, 1985. Вып. 75. С. 10–13.
- Хрисанфова Е.Н.* Неандертальская проблема: новые аспекты и интерпретации // Вестник антропологии, 1997. Вып. 3. С. 18–34.
- Хрисанфова Е.Н.* Посткраниальный скелет в эколого-популяционном анализе современного и ископаемого человека // Вестник антропологии, 1999. Вып. 6. С. 11–20.
- Castellano S., Genis Parra G., Sánchez-Quinto F.A. et al.* Patterns of coding variation in the complete exomes of three Neandertals // PNAS, 2014. Vol. 111. N 18. P. 6666–6671.
- Estalrich A., Rosas A.* Division of labor by sex and age in Neandertals: an approach through the study of activity-related dental wear // J. Hum. Evol., 2015. Vol. 80. P. 51–63.
- Froehle A.W., Churchill S.E.* Energetic Competition Between Neandertals and Anatomically Modern Humans // PaleoAnthropology, 2009. P. 96–116. ISSN 545-0031. Электронный ресурс. URL: <http://www.paleoanthro.org/media/journal/content/PA20090096.pdf> (дата обращения: 12.05.2015)
- Hawks J.* Barbaric yawping about Neandertal women. Электронный ресурс. URL: http://johnhawks.net/weblog/reviews/neandertals/hunting/barbaric_yawping_neandertal_women_2006.html (дата обращения: 12.05.2015).
- Kuhn S.L., Stiner M.C.* What's a mother to do? The division of labor among Neandertals and modern humans in Eurasia // Current Anthropol., 2006. Vol. 47. P. 953–980.
- Lalueza C., Pérez-Pérez A., Turbon D.* Dietary inferences through buccal microwear analysis of Middle and Upper Pleistocene human fossils // Amer. J. Phys. Anthropol., 1996. Vol. 100. P. 367–387.
- Lorenz K.* Das sogenannte Böse. Zur Naturgeschichte der Aggression, W., 1963.
- Pearce E., Stringer C., Dunbar R.I.M.* New insights into differences in brain organization between Neanderthals and anatomically modern humans // Proc. Royal Soc. B: Biol.

Sci., 2013. Vol. 280 (1758): 20130168. DOI: 10.1098/rspb.2013.0168.

Pérez-Pérez A., Espurz V., Bermúdez de Castro J.M., de Lumley M.A., Turbón D. Non-occlusal dental microwear variability in a sample of Middle and Late Pleistocene

human populations from Europe and the Near East // J. Hum. Evol., 2003. Vol. 446. P. 497–513.

White T.D., Asfaw B., DeGusta D., Gilbert H., Richards G.D., Suwa G. et al. Pleistocene *Homo sapiens* from Middle Awash, Ethiopia // Nature, 2003. Vol. 423. P. 742–747/

Контактная информация:

Бахолдина Варвара Юрьевна: e-mail: vbaholdina@mail.ru.

THE HYPOTHESIS OF Y.Y. ROGINSKY ABOUT THE EVOLUTIONARY FATE OF HOMO NEANDERTHALENSIS

V.Yu. Bakholdina

Lomonosov Moscow State University, Department of Anthropology, Moscow

The Neanderthal problem today excites researchers in the same way as in the first half of the last century, when in this matter became interested a young anthropologist Y.Y. Roginsky. One of the ideas about the disappearance of the Neanderthals is their mentality, especially the increased levels of aggression compared to modern humans. This idea formed the basis of the hypothesis of Y.Y. Roginsky, which was outlined in several works. The constructions of Y.Y. Roginsky was based on data of anatomy, paleoanthropology, and ethology. The continuation of the works of Y.Y. Roginsky in this area were the investigations of E.N. Chisanfova. Today, researchers are making new attempts to understand the possible reasons for the departure of the Neanderthals from the historical scene. They reconstruct features of the structure and functioning of the Neanderthal brain, the specifics of the analyzing system, the various testimonies of the Neanderthal diet. In one of the latest hypotheses the differences in the division of gender roles in the populations of Neanderthals and modern humans are examined as possible explanation of the cause of the disappearance of Neanderthals. Despite the large number of papers devoted to the Neanderthal problem, articles and monographs of Y.Y. Roginsky still remain relevant and of great interest and importance for modern researchers.

Keywords: *anthropology, Y.Y. Roginsky, human evolution, Neanderthals, modern humans, aggression, gender roles*